

Глава 2: Мой брат — часть первая

Если говорить о составе моей семьи — отец и два старших брата, вот и всё.

Мать, родившая меня (хоть она и мужчина, но по положению — мать, так что дальше буду называть её так), умерла, когда мне было три года.

После этого меня воспитывали слуги.

С самого рождения меня ненавидели все в семье, кроме матери. Меня сослали в отдельный корпус просто потому, что им было противно не то что разговаривать со мной, а даже видеть меня.

Семья Игараси — одна из крупнейших корпораций Нихона.

Отец — президент компании, а второй сын должен унаследовать дело.

Именно из-за такого положения отец и мать заключили не брак по любви, а политический союз.

Мать любила отца. Но отец — нет. Поэтому он общался с матерью лишь по минимуму, а старшего и второго сына, похожих на него, держал в стороне.

Из-за воспитания отца, напоминавшего промывание мозгов, и матери, впадавшей в истерику от того, что её не любят, братья тоже возненавидели мать так же сильно, как и отец.

И когда я родился с лицом, похожим на мать, у отца и остальных, вероятно, вскипела ненависть.

Меня вместе с матерью поселили в отдельном корпусе, и без крайней необходимости встреч почти не случалось.

Эта ситуация — одна из причин, почему характер моего персонажа стал таким искривлённым.

— Что ты здесь делаешь?

— ...Брат.

Когда я разминался на спортивной площадке между отдельным и главным корпусами, сзади раздался голос.

Я сразу понял, кто это, и, обернувшись, назвал его братом, но в ответ лишь услышал цоканье. Скорее всего, ему не понравилось, что я так к нему обратился.

— Ещё раз спрашиваю. Что ты здесь делаешь? Замышляешь какую-то пакость?

Тот, кто обратился ко мне, был старшим сыном семьи Игараси и моим братом — Игараси Хадзимэ.

Первая цель для захвата.

На момент игры ему было двадцать шесть лет. Сейчас, наверное, двадцать один.

У него были светлые, почти золотистые волосы, похожие на отцовские, острые голубые глаза и вечно поджатые, будто в гневе, губы. Но поскольку он — цель захвата, внешность у него была безупречная.

Этот человек ненавидел меня почти так же сильно, как отец. Вероятно, потому что сильнее всех подвергся влиянию отца и матери.

Вот и сейчас он смотрел на меня с таким суровым лицом, будто я совершил преступление.

— Если молчишь, значит, и правда что-то недоброе задумал. Стоило увидеть тебя в таком необычном месте, как сразу стало ясно — ты ни на миг не теряешь бдительности и не даёшь слабину.

Не знаю, что он навоображал из-за моего молчания, но он бросил это обвиняющим тоном. А затем стремительно приблизился, схватил меня за запястье и вывернул его.

От этой совершенно беспощадной силы моё лицо исказилось от боли.

— Ах...

Насколько же он мне не доверяет? Я, конечно, вёл себя крайне своевольно, но к этому привели поступки окружающих.

Не в силах смириться, я резко стряхнул его руку. Удивлённое выражение его лица меня не волновало.

— Я просто разминался, ничего предосудительного не делал. Следовательно, у вас нет причин меня упрекать.

Я отступил назад, увеличивая дистанцию, и осмотрел пострадавшее запястье.

Оно слегка покраснело, и, наверное, скоро появится синяк. Нужно приложить лёд, пока отёк не усилился.

Поняв, что сейчас не время для упражнений, я решил вернуться домой.

— Эй.

Но стоило мне сделать шаг, как меня окликнули сзади.

— Что такое?

Я же ухожу, мог бы и порадоваться, помахав вслед.

Какая же это морока. Я невольно вздохнул и тут же прикрыл рот рукой, чтобы не спровоцировать нелепую придирку.

— Что это за тон? И эти вежливые речи — ты что, головой ударился?

Действительно, прежний я, завидев его, тут же прильнул бы слащавым голосом. И даже столкнувшись с грубостью, не унывал и заговаривал, словно ребёнок.

Но нынешний я не такой, как раньше.

— Просто мне уже много раз говорили, что в таком возрасте пора вести себя и говорить сдержанно. Я лишь решил проявить сознательность.

Я обернулся лишь наполовину.

На его лице застыло странное выражение — не то удивлённое, не то такое, будто он раздавил горького жука.

— Ты, который никогда не слушался, с чего вдруг такая перемена? Чтобы ты стал тихим — это невозможно.

— Можете не верить. Я всё равно знаю, что не поверите. Я больше не буду капризничать и надоедать, так что прошу, оставьте меня в покое.

— Что...

Высказав всё, что хотел, я снова отвернулся. И был готов не останавливаться, даже если окликнут снова, но, к счастью, больше ничего не услышал.

Вернувшись в свой дом в отдельном корпусе, я немедленно приступил к лечению пострадавшего запястья.

Покраснение усилилось по сравнению с недавним, и теперь запульсировало тупой болью. Схватил без всякой пощады. Он что, не знает меры?

Вспоминая его лицо и наш разговор, я чувствовал поднимающееся раздражение. Я же только собирался приступить к плану самосовершенствования, а он прервал меня ещё до первых результатов.

Разве старший брат с большой разницей в возрасте не должен по своей сути обращаться с тобой мягко? Сколько ни роюсь в памяти, не припомню ни одного случая доброго отношения, и характер у него не таков, чтобы читать мне нотации.

— Вот такой человек становится учителем... Да, мир катится в пропасть.

Игараси Хадзимэ. Причина, по которой он, будучи старшим сыном, не является наследником семьи Игараси, в том, что в игре он предстаёт в роли учителя в академии.

<http://bllate.org/book/18080/1739673>